

А.А. Передельский

ДВУЛИКИЙ ЯНУС

**СПОРТ КАК
СОЦИАЛЬНЫЙ
ФЕНОМЕН:**

**сущность
и онтологические
основания**

СПОРТ

Алексей Анатольевич Передельский

Двуликий Янус. Спорт как социальный феномен. Сущность и онтологические основания

*Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=22836771
Двуликий Янус. Спорт как социальный феномен. Сущность и
онтологические основания: Спорт; Москва; 2016
ISBN 978-5-906839-54-1*

Аннотация

Роль и назначение спорта в контексте развития культуры и цивилизации до сих пор остается одним из важнейших вопросов сущностно-системного анализа. Опираясь на работы целого ряда выдающихся ученых, Л.П. Матвеев во второй половине XX в. завершил создание общей теории физической культуры и спорта, позволяющей понять сущность и назначение спортивной деятельности. Однако, несмотря на вековую традицию развития философии физической культуры, мы до сих пор не имеем научной социально-философской теории спорта, позволяющей понять социальную сущность и основные закономерности возникновения и эволюции спорта как онтологического

феномена, как социального института. Именно эту задачу ставил перед собой автор данной монографии. Для научных работников, специалистов, преподавателей, аспирантов и студентов высших учебных заведений, всех интересующихся философией и социологией спорта.

Содержание

Введение	6
Глава первая. Генезис и современное существование спорта	35
1.1. Историческое и логическое в эволюции спорта	35
Общая концепция исследования	35
Спорт в контексте возникновения и эволюции церковно-государственных институтов	41
Единоборства как фактор развития спорта	51
Конец ознакомительного фрагмента.	60

**Алексей Передельский
Двуликий Янус. Спорт
как социальный
феномен. Сущность и
онтологические основания**

© Передельский А.А., текст, 2016

© Издательство «Спорт», 2016

* * *

Введение

Спорт является сложным многоуровневым и многогранным, постоянно изменяющимся социокультурным феноменом, в какой бы упрощённой, однобокой, фиксированной форме он не определялся научно, логически, юридически, этико-эстетически, не трактовался политически и не представлялся фактически. На конкретно-историческое, социально-онтологическое «лицо» спорта влияют как заложенная в нём с самого начала «социокультурная природа», так и оформляющий его конкретно-исторический социокультурный контекст. Иными словами, спорт – это конкретно-исторический продукт определённых социальных отношений, причём как по своему происхождению, так и по своей эволюции. С другой стороны, спорт не только продукт, но и эффективный механизм стабилизации или изменения системы социальных отношений, своего социокультурного конкретно-исторического контекста, оформления.

В большей степени функциональное бытие, существование спорта в качестве системного социального продукта и эффективного механизма социальной стабилизации и/или трансформации определяют: экономическая составляющая и как концентрированное идеологическое выражение экономики политическая составляющая. В меньшей степени (хотя и значительной) на существование спорта влияют: рели-

гиозная, мифологическая, научная, философская, художественная составляющие; в ещё меньшей – обыденная составляющая. Всё это далеко не очевидно, требует развёрнутого доказательства путем обращения к различным теоретическим источникам исследования социально-экономического, религиозно-политического и иного фокуса истории возникновения и изменения спорта. Но и тогда истинная сущность спорта вряд ли будет выявлена в полной мере. Ведь чтобы понять спорт в социальном измерении как социальный институт необходимо противопоставить его другим близкородственным социальным институтам, с которыми спорт соотносится в своем социальном бытии.

Актуальность темы исследования состоит в следующем.

Наука о спорте и сам спортивный процесс частью стихийно, частью сугубо декларативно стоят на позициях светского гуманистического образования, естественнонаучной ориентации. Однако они до сих пор не располагают фундаментальной системно-философской методологической и мировоззренческой основой, способной реально подтвердить или опровергнуть подобные декларации.

Отчасти это происходит потому, что за сто лет своего существования философия спорта в общем и целом так и не сумела выработать имманентный самому спорту и спортивной науке подход, проясняющий действительное происхождение, социокультурную сущность и роль спорта. В частности, если экономическая составляющая спорта, как правило,

замалчивается, а политическая составляющая современного спорта ещё выступает предметом бурных дискуссий, то его религиозная составляющая (если не брать в расчет мифологический аспект) практически вообще находится вне зоны как научного, так и философского исследования. Чего никак не скажешь об этико-эстетических составляющих спорта, которым посвящены сотни и сотни публикаций. Хотя ещё неизвестно, какая составляющая может оказаться наиболее соответствующей реальной сущности спорта. В связи с этим даже совершенно очевидные факты экономического, политического или религиозного влияния спорта и спортивной деятельности, например, в психологии или социологии не находят своей адекватной философской интерпретации [см. Загайнов Р.М., 2005; Передельский А.А., Корамзева И.Б., 2010; Передельский А.А., Алексеев А.Г., 2014; Передельский А.А., Киртоаке А., 2014].

Особую актуальность исследование социальной сущности и социально-онтологических оснований существования спорта приобретает в современный период, период нового обострения политической и идеологической борьбы, когда спорт, распрощавшись с былой ориентацией на общественные движения и организации, превращается в насквозь политизированный социальный институт, в целое направление международной и внутригосударственной политики.

Степень научной разработанности темы. Генетические корни социально-философской рефлексии спорта, его при-

роды, социальной сущности и значения уходят в глубокую древность.

Так, например, отдельные аспекты обсуждаемой тематики затрагивали:

- в античном мире – Аристотель, Платон, Сократ, Цицерон; на Востоке – Конфуций, Лао-цзы;
- в Средние века – Авиценна, Оккам, Фома Аквинский;
- в период XVI – XVIII вв. – Гоббс, Кампанелла, Кант, Руссо, Спиноза;
- в XIX столетии – Гегель, Камю, Кьеркегор, Маркс, Ницше, Спенсер, Фихте, Шеллинг, Шиллер, Шопенгауэр.

Однако в целом социально-философское осмысление спорта находилось на недостаточно адекватном уровне, поскольку это явление рассматривалось в философии, социологии и других социально-гуманитарных науках поверхностно, тривиально и в качестве несерьезных аспектов социальной жизни в отличие от экономики, политики, профессиональных занятий, которые считались важными, серьезными и существенными.

В отношении философии У. Морган по этому поводу пишет: «Философия слишком долго пренебрегала спортом. Хотя в философии существовала сложившаяся традиция рассмотрения форм жизни, имеющих большое значение для общества и людей (философия религии, искусства, науки и образования), спорт, несмотря на своё влияние на такие разные культуры, как культура Древней Греции и современ-

ной Америки, так и не удостоился сколько-нибудь серьезно-го философского внимания. Конечно, были и исключения. Например, Платон и Аристотель одобрительно и иногда даже восторженно писали об игре и спорте, а современные философы – такие, как Ницше и Хайдеггер, – использовали игру как метафору для определения своих особых мировоззрений. Сартр и Витгенштейн обращались к понятиям спорта и игры при разработке своих влиятельных концепций человеческого существования и языка. Но в целом большинство философов просто игнорировали спорт, считая его слишком несущественным для того, чтобы тратить на него своё время» [Морган, 2006; с. 147].

Более систематический анализ социально-философских проблем спорта начинается в конце XIX и начале XX столетия, когда спорт превращается в социальное явление мирового масштаба. К этим проблемам обращаются такие известные философы, как Дьюи, Марсель, Мерло-Понти, Мур, Рассел, Ройс, Сартр, Уайтхед, Хайдеггер, Ясперс и др., а также такие классики социологии, как Г. Зиммель, М. Вебер, М. Шелер, Ф. Знанецкий и др.

Социально-философские проблемы игры и спорта затрагивали в своих работах представители и других общественных наук, например культурной и социальной антропологии. В первую очередь их интересовали философско-антропологические проблемы игры и так называемого примитивного спорта, их религиозных функций в примитивных куль-

турах и обществах и т. п. Данным проблемам посвящены, например, работы таких авторов, как: Culin S. (1907), Damm H. (1922), Bowen Wilbur P., Mitchell Elmer D. (1927), A.S. Bames, 1927, Firth R. (1930), Krickeberg W. (1948), Huizinga, Johan (1950), Hye-Kerkdal K. (1956), Mendner D. (1956), Sutton-Smith B. (1970), Sutton-Smith Brian (1978), Sutton-Smith B. (1981).

С ростом социально-педагогического, экономического, политического влияния спорта, противоречивого характера этого влияния формировалось и крепло мнение о необходимости специального социально-философского анализа спорта. Эти факторы способствовали становлению, начиная с 20-х годов прошлого века, философии спорта, социологии спорта и других социально-гуманитарных дисциплин, делающих предметом своего анализа социальные проблемы спорта.

Развитию философии спорта содействовало созданное в 1972 г. международное Философское общество по исследованию спорта (Philosophic Society for the Study of Sport). В настоящее время оно носит название «Международная ассоциация философии спорта» (The International Association for the Philosophy of Sport). С 1974 г. Общество издает международный журнал по философии спорта (Journal of the Philosophy of Sport), проводит иную регулярную работу.

Важную вспомогательную для философии спорта роль сыграл Международный комитет социологии спорта при СИЕПС / ЮНЕСКО – International Committee for the

Sociology of Sport (ICSS), который был создан в 1965 г. и в настоящее время выступает как Международная ассоциация социологии спорта – International Sociology of Sport Association (ISSA). Международный комитет социологии спорта также издает специальный журнал – „International Review of Sport Sociology” (в настоящее время он называется “International Review for the Sociology of Sport”).

Существенный вклад в постановку и анализ проблем социальной сущности и значения спорта (в том числе олимпийского), его места в обществе, связи с другими социальными явлениями внесли философы, социологи, представители других социально-гуманитарных дисциплин из многих стран. К их числу относятся например:

- Великобритания – П. Макинтош;
- Белоруссия – У.П. Люкевич, С.В. Молчанов, В.А. Пономарчук;
- Германия – О. Вайс, Г. Витт, О. Групе, С. Гюльденпфенниг, Г. Ленк, Н., Х.Ю. Шульке;
- Молдавия – Н.Н. Визитей, В.Г. Манолаки;
- Польша – А. Воль, Е. Косевич, З. Кравчик, Й. Липец, Я. Мош, А. Пшилуска-Фишер, Б. Урбанковский;
- США – Э. Берри, Г. Вандерцвааг, К. Томас, К. Фольк-вайн, Д.А. Хиланд;
- Украина – С.Н. Бубка, М.М. Ибрагимов, В.Н. Платонов;
- Финляндия – К. Хейнила;
- Франция – Б. Жё, Х. Посьелло, Э. Франке;

– Чехия – Ф. Иоахимсталер, Я. Мергаутова, Б. Ходан, Дж. Черны, В. Чехак и др.

Значительную роль в постановке и решении проблем социальной сущности, значения спорта, его места и роли в социальной системе сыграли и играют отечественные исследователи. На первом плане у них находятся философско-мировоззренческие, социально-философские, философско-социологические, философско-антропо-логические и культурологические проблемы спорта. Вклад в постановку и решение этих проблем внесли: Гавров С.Н., Григорьянц А.Э., Данилов Р.С., Демин В.А., Кузнецов В.В., Кулаков А.М., Курамшин Ю.Ф., Лебедев А.С., Леонтьук М., Мазов Н.Ю., Манько Ю.В., Моченов В.П., Никишин Д.В., Пегов В.А., Пономарев Н.А., Пономарев Н.И., Починкин А.В., Сараф М.Я., Степовой П.С., Фомин Ю.А. и др.

Значительное внимание в публикациях отечественных исследователей уделено также социально-философским проблемам международного спортивного и олимпийского движения. В своих работах их затрагивают Бугреев А.Н, Егоров А.Г., Захаров М.А., Кыласов А.В., Моченов В.П., Починкин А.В., Родиченко В.С., Чернецкий Ю.М. и др.

Особенно значительный вклад в разработку обсуждаемых проблем внесла инновационная школа социально-философского анализа спорта и олимпизма с позиций гуманизма и на основе диалектической методологии, которую создал проф. В.И. Столяров и которая эффективно функционирует в на-

стоящее время. Основные направления и результаты многолетней (с 1972 г.) деятельности исследовательского коллектива Школы детально излагаются и анализируются в целом ряде работ В.И. Столярова [Столяров В.И., 2004–2015].

Кроме того, в этих публикациях впервые сделана попытка дать достаточно полное представление о подходах к разработке философских проблем спорта ряда исследователей стран Западной и Восточной Европы, Канады и Америки. Впервые представлена и соответствующая библиография публикаций. Поэтому они, наряду с изданной в нашей стране хрестоматией по социологии физической культуры и спорта и антологией философии спорта под редакцией К. Майера и В. Моргана, могут служить своеобразным путеводителем для читателей по философии спорта, соответствующим проблемам, концепциям и публикациям.

В 2015 г. опубликован первый в нашей стране учебник по философии спорта, который написан В.И. Столяровым совместно с автором данной монографии [Столяров В.И., Передельский А.А., 2015].

Несмотря на столь длительное и активное обсуждение проблем социальной природы спорта, наличие огромного числа посвящённых им публикаций, необходимость дальнейшего философского анализа не только не отпала, но стала ещё более актуальной.

В первую очередь это объясняется тем, что спорт – необычайно сложный, многосторонний и противоречивый социо-

культурный феномен.

Безусловно, следует отметить также концептуальное несовершенство эвристического и эпистемологического аспектов анализа.

Важным, влияющим на степень научной и философской разработанности темы обстоятельством выступает факт доминирующей естественнонаучной, эмпирической ориентированности спортивной науки, системно поворачивающейся «лицом» к социальной теории только теперь, на базе недавно созданных общих теорий физической культуры и спорта.

В последние годы возрос интерес к философским исследованиям в области мифологии и религии, или в области анализа источников религиозного и мифологического содержания общественной жизнедеятельности в разных областях (в том числе в области спорта) [Билалов М.И., 2011; Жукоцкая А.В., 2014; Жукова О.А., 2010; Захарова В.Д., 2010; Киселев Г.С., 2011].

В частности, это касается и агонально-спортивной традиции. В последнем случае можно констатировать две крайности: необоснованно позитивное отношение к религиозно-мифологическим мировоззренческим и фактическим основаниям спорта [Ленк Г., 1997; с. 156–179] и, наоборот, резко негативное отношение к ним, хотя и столь же недостаточно обоснованное [Кыласов А. В., 2009; с. 55–59]. Между тем, и одни и другие авторы формируют свою точку зрения, исходя из явного признания наличия таких оснований как

очень весомой, существенной детерминанты, в том числе и современного спорта.

Всё изложенное выше ещё раз подтверждает актуальность нашего исследования.

Проблема исследования. Суть проблемы, которой посвящено исследование, можно сформулировать следующим образом: «Насколько ценным для социально-философского анализа спорта (как социально-онтологического феномена, в котором, так или иначе, должно находить своё воплощение социальное всеобщее) выступает рожденное эмпирической теорией определение спорта в качестве специфической соревновательной деятельности и комплекса социально-ролевых отношений по подготовке и организации спортивного соревнования?»

Иными словами, проблема состоит в том, что вышеуказанные «узкое» и «широкое» определения спорта (даже в их совокупности), предположительно, не являются достаточной основой для анализа социально-онтологической сущности и существования спорта, не позволяют проникнуть в собственно социальную сущность спорта, хотя и не ставят перед собой подобной задачи.

Гипотезой исследования выступает научно (эмпирически и теоретически) обоснованное предположение о том, что социальная сущность и онтологические основания существования спорта могут быть раскрыты лишь в ходе философско-теоретического диалектического анализа, причём ана-

лиза спорта не самого по себе, вне его конкретно-исторического социального контекста, а путем сравнения социального института спорта с другими социальными институтами, как в области физической культуры, так и за её пределами.

Целью исследования является разработка, всестороннее обоснование и реализация научно-философского, диалектического, гипотетико-дедуктивного подхода к анализу спорта и формулировке сущностно-содержательного определения спорта как системного социального феномена, онтологические основания существования и эволюции которого детерминируются специфически преломляемым в спорте конкретно-историческим социальным всеобщим.

Объект исследования – спорт как системный и эволюционирующий социальный феномен.

Предмет исследования – социальная сущность и онтологические основания системного существования и эволюции спорта в качестве социально-онтологического объекта.

Автор монографии ставил перед собой следующие *задачи*:

1. Исторически и теоретически доказательно представить спорт в качестве подсистемного образования, возникающего и развивающегося в пределах физической культуры как более общей и широкой целостности, тем самым не частично и декларативно, а полностью и фактически порвав с тенденцией рассмотрения спорта в качестве автономного и в большей степени самодетерминируемого, самодостаточного объекта,

лишь формально имеющего какой-то социальный контекст.

2. Поменяв акценты со структурно-функционального (в определенной степени метафизического и механистического) – на генетический и системный подходы исследования физической культуры, обосновать гетерогенность, сложность и диалектичность организации данной социально-культурной области, в частности, выявляя исходную, наиболее архаичную клеточку или ячейку физической культуры, в роли которой выступала древнейшая форма единоборства.

3. Проследить эволюцию единоборств от архаичной социальной формы до социального института в свете проблемы их связи с также развивавшимся и усложнявшимся религиозным культом в его святилищном, храмовом, церковном оформлении.

4. Выявить и обосновать конкретно-исторические причины и механизм становления второго (по времени возникновения) социального института физической культуры – института физического воспитания, а также его взаимоотношений с институтом единоборств, религией и религиозным культом. Исследовать причины и механизм упадка института физического воспитания в связи со становлением института спорта.

5. Исследовать древнюю агонально-спортивную соревновательную практику как одну из форм религиозно-культовой состязательности, характерную для племенных и националь-

ных религий древних средиземноморских этносов. Акцентировать внимание на обосновании причин и степени секуляризации природы этих соревновательных культов, а затем на выявлении финансово-экономических и социально-политических причин и оснований становления «феномена атлетизма» – светской ипостаси данных культов, тем самым показав необходимость экономического и религиозно-политического анализа, в том числе современного спорта и Олимпийских игр.

6. Используя указанный фокус анализа, показать двойственность и внутренний антагонизм реальной и идеальной (иллюзорно-компенсаторной) составляющих социальной сущности и онтологических оснований существования спорта как на формальнологическом (понятийном), так и на сущностно-содержательном (деятельностном) уровнях, доказав целесообразность рассмотрения социального института спорта по аналогии с социальным институтом церкви в области их политического функционирования.

7. Используя фундаментальную (в социально-философской и философско-спортивной традиции) теорию отчуждения для интерпретации результатов сравнительного анализа политического функционирования социальных институтов спорта и церкви, теоретически выявить и обосновать существование недоступной для традиционного эмпирического анализа спортивной деятельности, скрытой, теневой или «ноуменальной» части спорта, раскрывающей его сущность

в качестве специфической формы (вида) производства капитала.

8. В свете религиозно-политического анализа спорта и теории отчуждения подвергнуть анализу традиционно позиционируемые философией спорта философско-теоретические основания (источники) спортивной науки:

- философско-просветительскую теорию гуманизма (прежде всего итальянского гуманизма);
- игровую теорию культуры Йохана Хёйзинги;
- идею и реализацию философско-педагогического проекта Олимпийских игр Пьера де Кубертена.

9. В свете религиозно-политического анализа спорта и теории отчуждения подвергнуть анализу саму вековую традицию развития философии спорта в единстве её зарубежных и отечественных составляющих с выходом на обоснование необходимости гипотетико-дедуктивного научно-теоретического проекта социально-философского исследования спорта, а также необходимости разработки сущностно-содержательного определения спорта как идеального объекта строгого теоретического анализа.

10. В том же научно-теоретическом и социально-философском ключе рассмотреть проблему понятийной и модельной идентификации спорта (в частности, современного спорта). Решить данную проблему разработкой социальных моделей и сущностно-содержательного теоретического определения спорта как системного социального феномена.

Теоретико-методологической основой исследования выступает широкий круг фундаментальных (классических и неклассических) научных и философских трудов различных авторов, но в качестве главных, системообразующих источников рассматриваются две теории:

- формационная теория Карла Маркса и Фридриха Энгельса;
- теория отчуждения, прежде всего в интерпретации Людвига Фейербаха и Карла Маркса.

В меньшей, но значительной степени теоретико-методологическое влияние на автора данного исследования оказали:

- теория дикости, варварства, цивилизации Льюиса Генри Моргана;
- диалектика Гегеля;
- концепция социокультурного отчуждения Освальда Шпенглера и Эриха Фромма.

Эмпирической базой исследования выступают: реальный спортивный процесс, систематизированные данные и результаты исследований в области педагогики, психологии, истории, социологии физической культуры и спорта.

Методы исследования. В исследовании применяются следующие философские и научные методы:

- диалектический метод (принципы детерминизма, целостности, системности, историзма, единства исторического и логического, восхождения от абстрактного к конкрет-

ному);

- общелогические методы, операции, процедуры определения и деления понятий, индукции, дедукции, аналогии, доказательства и опровержения;

- научно-теоретические методы идеализации, интерпретации, гипотетико-дедуктивного построения теории;

- научно-эмпирические методы анализа документов, включенного наблюдения, социологического опроса.

Если часть указанных методов применяется в той или иной главе (параграфе) авторского исследования, то как минимум четыре метода выступают в роли сквозной методологии для всей представленной работы. Это диалектические методы (принципы):

- логического и исторического;

- восхождения от абстрактного к конкретному;

- единства логики, диалектики и теории познания.

К этой же группе относится и гипотетико-дедуктивный научно-теоретический метод.

Авторское понимание, интерпретация каждого из указанных методов нуждается в некотором пояснении.

1. Метод (принцип) логического и исторического, помимо всего прочего, предполагает единство и последовательность формальнологического и содержательного (исторического и иного эмпирического или теоретического) анализа с целью прояснить логическую правильность демонстрационных рассуждений, истинность выдвигаемых тезисов и при-

водимой аргументации.

2. Принцип (метод) восхождения от абстрактного к конкретному предполагает целых шесть векторов движения исследовательской мысли:

- от предварительно нерасчлененного интуитивно очевидного образа объекта – к сбору первичной эмпирической информации о нём;

- от сбора указанной информации – к формированию научно-теоретической концепции предмета исследования;

- от концепции – к получению необходимого и достаточного объема и качества эмпирических данных путем реализации научно-исследовательской программы;

- от данных – к получению итоговых научных показателей путем теоретической интерпретации этих данных;

- от аналитики показателей – к подготовке и внедрению практических рекомендаций;

- от внедрения последних – к итоговому логическому анализу результатов научной разработки и практического внедрения концепции по критериям теоретической зрелости.

Правда, пятый и шестой векторы хода исследования в настоящей работе видимым образом отсутствуют по причине её социально-философского характера. Однако они «читаются» контекстуально и при должном усилии их легко развернуть подобно всем остальным векторам.

3. Принцип единства логики, диалектики и теории познания в нашей интерпретации близок к принципу единства ло-

гического и исторического, однако здесь скорее имеет место отношение подчинения, нежели полной совместимости суждений. Речь идет о том, что логика процесса на формальном уровне в стратегических точках отражает диалектику его развертывания, а это сходство (или единство), в свою очередь, фиксируется (или должно фиксироваться) в теории познания, стремящейся к получению и передаче истинного знания.

Наконец, гипотетико-дедуктивный метод и построенная на его основе одноименная теория (в отличие от аксиоматической или описательной теории), как доказывает история и философия науки, есть единственный способ подтверждения претензии на получение достоверного знания. Данный способ рождается научно-исследовательским механизмом, не только охватывающим теоретический, эмпирический и практический уровни анализа, но и полностью совмещающий позиции, принадлежащие разным уровням исследования. Поэтапно это достигается:

- первичной логической интерпретацией теоретических положений (допущений);
- логической операционализацией этих положений;
- эмпирической проверкой (подтверждением или опровержением наиболее конкретных операциональных понятий);
- интерпретацией эмпирических данных в поле задач, гипотез теоретической части научной программы;

- аналитическим построением полученных показателей;
- выработкой и реализацией практических рекомендаций.

Положения, позиционируемые и доказываемые в исследовании.

1. Спорт как имеющий свои предтечи, зародышевые формы социальный феномен изначально являлся одним из составных элементов, а затем и одной из подсистем, гораздо более общего, широкого, древнейшего социального образования – физической культуры. Под физической культурой следует понимать область отношений и деятельности, связанную с периодическими или регулярными телесно-двигательными занятиями. Основу этих занятий составляют физические, психические, интеллектуальные упражнения, ориентированные на производство и воспроизводство человеческой телесности или целостности, позволяющие развить способность к овладению и управлению движением для активного и эффективного функционирования в пределах диапазона исторически конкретной общественной производственной и бытовой деятельности.

2. Древнейшая физическая культура имела внутри себя слабо расчлененный, неструктурированный характер, который заложил её последующую гетерогенность, внутреннюю неоднородность, развивающуюся как единство и борьба близкородственных однокоренных, но всё-таки различающихся между собой социально-культурных образова-

ний. Древнейшей протокультурной «клеточкой», архаическим зародышевым «ядром» физической культуры выступала древнейшая социальная форма единоборческого поединка.

3. Закономерно перерождаясь и многократно тиражируясь в условиях раннеклассового общества, архаичная единоборческая форма породила свои производные социальные формы (в частности, единоборческую форму «божьего суда»), которые, несмотря на неизбежное для того исторического времени религиозно-культовое обрамление, изначально имели относительную автономность от последнего. Более того, со временем разрыв между культурой единоборств и религиозным культом всё больше и больше расширялся и углублялся как вследствие их исходной ориентации на разные личностно-общественные функции и задачи, так и в связи со становлением, с одной стороны, самого социального института единоборств, с другой – мировых религий и социального института церкви.

4. На определённом этапе развития института единоборств, связанном с появлением воинских сообществ (генераций), он начинает служить основанием и механизмом становления другого социального института в области физической культуры, а именно института физического воспитания (точнее, военно-физического воспитания). Несмотря на свою первоначально тесную смычку, связь с религиозно-культовым элементом, по мере нарастания секуляриза-

ции общественной жизни в целом, по мере распространения влияния систем физического воспитания на всё более широкие слои населения, – институт физического воспитания начинает относиться к религиозной культуре и институту церкви всё более формально, поверхностно. Одновременно он всё сильнее способствует социокультурному вырождению или перерождению единобожеств.

Периодические рецидивы религиозного влияния в системах физического воспитания вызваны и объясняются не его собственной социальной природой, а усиленной политизацией в условиях обострения социально-классовых и межнациональных противоречий. Одним из механизмов политизации физического воспитания выступает его адаптация к спорту, или спортизация.

5. Древняя агональная (игровая) и спортивная (развлекательная) практика первоначально выступала системным религиозным ритуальнообрядовым действием, в основе которого было заложено спортивное соревнование – особая форма состязательности, характерная для религиозно-культовой жизни народов Средиземноморья.

Расцвет этой формы в эпоху Античности происходил на уровне её связи с племенными и национальными религиозными культами, в том числе греков и римлян, отличавшимися предельно (для религии) гражданско-секуляризованным социальным бытием. Поэтому, с одной стороны, древняя агонально-спортивная традиция послужила культурно-ци-

визационным «заслоном» от более архаичных и антигуманных религиозных культов, с другой – породила свою, основанную на финансово-экономическом могуществе и ориентированную на активную социально-классовую борьбу, светскую ипостась – «феномен атлетизма».

В современном спорте, Олимпийских играх, в связанных с ними социальных движениях наращивание религиозного влияния имеет множественное фактическое проявление. Объяснения данной тенденции следует искать в области религиозно-политического анализа спорта как социального института, в выявлении связи современного спорта с современной политикой.

6. Религиозно-политический фокус (подход) к исследованию социальной сущности и онтологических оснований существования спорта проявляет усиливающийся антагонизм социально-институционального оформления и социально-культурного содержания спорта (спортивной деятельности), фиксируемый уже на формально-логическом уровне. Этот антагонизм фиксируется в зоне соотнесения понятий «социальный институт спорта» и «внутреннее игровое искусство спорта». Разрешается данное антагонистическое противоречие в области, отражаемой понятием «спортивное управление».

7. На уровне сущностно-содержательного анализа обнаруживается скрытая двойственность спорта:

- с одной стороны, как поля формирования и реализации

человеческой телесности, спортивной зрелищной культуры, выступающих механизмом воспроизводства социокультурных традиций и принципов конкретного, реального гуманизма;

– с другой стороны, как институционального цивилизованного и цивилизационного механизма абстрактного, мифологического гуманизма, формально идеологически поддерживающего, а фактически подавляющего, подменяющего социокультурное, конкретно-гуманистическое ядро спорта.

Сравнительный анализ сходных (по социально-генетическим основаниям и по иллюзорно-компенсаторному функционалу) институтов спорта и церкви доказывает их подобие не только по многим аспектам религиозно-политического характера, но и по логике институциональной политическо-экономической эволюции.

8. Логическая строгость построения аналогии требует выделения некой общей закономерности, объясняющей существование сходных черт у институтов спорта и церкви, что, в свою очередь, на уровне социально-философского анализа не представляется возможным без обращения к соответствующей фундаментальной теории, в роли которой по ряду причин способна выступить теория отчуждения. Применение теории отчуждения заставляет взглянуть на спорт как на «айсберг», имеющий ещё и громадную (по объёму и влиянию) невидимую часть, раскрывающую суть спорта как специфической экономической формы (вида) производства ка-

питала, товаров и услуг, концентрированным выражением которой выступает национальная и международная спортивная политика.

В данной точке исследования возникает закономерный вопрос о степени отражения спортивно-институциональной линии процесса отчуждения в традиционно позиционируемых философско-теоретических основаниях (источниках) спортивной науки.

9. Анализ социально-политических и философско-идеологических составляющих итальянского гуманизма (его философских предтеч и последующего концептуального оформления), самого по себе и как теоретико-мировоззренческого основания современного спорта, – показывает явно выраженную религиозно-политическую подоплёку данного движения и оформляющей его идеологии, основанных на принципе «двойного стандарта».

В спорте этот принцип реализован в диалектике противоречивого сосуществования конкретного (реального, деятельностно-организационного) и абстрактного (иллюзорно-морализаторского, политико-административного гуманизма).

10. Формально-содержательный анализ работы Йохана Хёйзинги «Человек играющий» способен привести к парадоксальному для данного основоположника игровой теории культуры выводу о том, что игра не старше труда и религиозного культа, а наоборот, выступает их конкретно-истори-

ческим продуктом и результатом.

Вместе с тем подобный подход объясняет противоречивое отношение самого Й. Хёйзинги к современному спорту, коммерциализированному и политизированному, превращенному в разновидность (характерного для капиталистического общества) труда, отрицающего витальность заложенного в спорте игрового начала.

11. Стремление Пьера де Кубертена к мифологизации и ритуализации олимпийских процедур, превращению созданного им неоолимпизма в новую «религию атлетов» в контексте общего пафоса философско-педагогического проекта Олимпийских игр объясняется борьбой великого педагога с попытками и тенденциями превращения Игр в новую международную разновидность коммерческой и политической спортивной организации. Трагедия Пьера де Кубертена вызвана поражением его идеологических гуманистических построений перед лицом нарастающей капитализации спорта и Олимпийских игр.

12. Вторым шагом философско-контекстуального анализа степени выраженности проблемы отчуждения в спорте выступает фокусированное исследование определяющих тенденций в мировой и отечественной традиции философии спорта, которая показывает, что:

– в структурированной организации философии спорта до сих пор преобладал самый внешний, трансцендентальный по отношению к спортивному процессу и спортивной науке

уровень рефлексии;

– на фоне других, более востребованных западной философией спорта, философских теоретико-методологических направлений так называемая неомарксистская философия, по некоторым авторитетным оценкам, представлена слабо и, кроме того, уклоняясь от онтологии и гносеологии спорта, локализует своё внимание на его этико-эстетических основаниях;

– проблема отчуждения в философии спорта представлена довольно широко, но либо формально опровергается, либо не интерпретируется глобально, хотя и в том и в другом случае фактически и фактологически в философской аргументации проявляется обратная тенденция, заставляя предположить, что верное позиционирование данной проблемы есть лишь вопрос правильной научно-философской интерпретации;

– общий, фокусированный по теме исследования обзор литературы по философии спорта обосновывает необходимость разработки научно-философского гипотетико-дедуктивного теоретического проекта, без которого на уровень отражения социально-онтологической сущности и основных закономерностей существования спорта выйти не представляется возможным. Идеальным объектом подобной теории, по логике, должен стать сам спорт как социальный феномен, рассматриваемый через свою наиболее сущностную характеристику.

13. Для сущностной идентификации спорта по ряду причин недостаточно уже широко используемых разнообразных атрибутивных, или генетических, или родовидовых определений. Социально-философская гипотетико-дедуктивная идентификация спорта требует формулировки его сущностно-содержательного определения, соотносимого с моделированием спорта не по его видам и направлениям, а по заложенным в этих моделях социальным стратегиям, схемам проявления и реализации социального всеобщего.

14. В своей сущностно-содержательной основе спорт перестает эмпирически восприниматься как соревновательная деятельность, механизм её подготовки и реализации, а мыслится как специфическая условно-игровая форма состязательности, предполагающая политизированное использование типичных национально-религиозных и светских телесно-двигательных состязательно-соревновательных обрядово-ритуальных комплексов. Эти комплексы, в свою очередь, прежде всего в интересах финансово-экономической и политической элиты иллюзорно-компенсаторно оформляют и в меру этого искажают, трансформируют (спортизируют) социальную сущность видового разнообразия более древних и общих телесно-двигательных социокультурных институтов, таких как единоборство и физическое воспитание. Спорт выступает цивилизационным и цивилизующим оформлением указанных социокультурных трансформаций, – оформлением, максимально подготовленным к ис-

пользованию в качестве одного из успешных современных механизмов и институтов социального отчуждения.

Глава первая. Генезис и современное существование спорта

1.1. Историческое и логическое в эволюции спорта

Общая концепция исследования

Исследование спорта в фокусе основных проблем, конституирующих предмет социальной философии, может быть очень широким и разнообразным, соотносимым с многоуровневой организацией самого философского знания. Даже «в первом приближении» потенциальный спектр направлений социально-философского исследования спорта представляется принципиально более разноплановым, чем, к примеру, анализ спортивно-соревновательной деятельности как субстанциональной основы образа жизни и культурного общения основных агентов спортивного процесса и формирующихся на его основе специфических социальных отношений.

Избрание онтологической линии заставляет взглянуть на спорт как на сложный развивающийся онтологический объ-

ект, реально существующую подсистемную часть социальной реальности в единстве её статических и динамических характеристик. Совершенно очевидно, что при таком подходе предметообразующим проблемным полем социальной философии спорта выступает сущность и существование данной сферы социальной реальности. Сферы, где социальное всеобщее находит своё всё более полное и завершённое, хотя и специфическое, проявление. Где упомянутая специфика отношений и деятельности выражается в законах и закономерностях организации, процессуального развертывания поливидовой, многоуровневой, разнополюсной спортивной культуры, начиная от её предполагаемого возникновения в антропосоциогенезе, в древнейшей и древней истории человечества, и до её современного цивилизационного бытия.

Между тем, если рассматривать спорт не как локальную или региональную культуру, а как набирающее общественно-политическую силу и вес глобальное культурно-цивилизационное образование, то следует вспомнить об относительно небольшой (около двух веков) продолжительности существования современного спорта. Этой оговорки вполне достаточно, чтобы понять причины до сих пор доминирующей эмпиричности и описательности большинства научных исследований спорта. Однако мы знаем немало случаев, когда нечто, на эмпирическом уровне кажущееся сущностно-содержательным, на уровне теоретического анали-

за оказывается лишь феноменально-формальным. Поэтому, «ставя во главу угла» возможность социально-философского рассмотрения сущности и существования спорта, пристало рассуждать о необходимости его научно-философского теоретического анализа. В основе подобного исследования, соответственно, должна размещаться сумма, последовательность взаимоувязанных тезисов, концептуальная конструкция, которая в нашем случае имеет следующий вид.

1. Большинство существующих определений, а следовательно, и концепций спорта построены на эмпирической базе. В силу этого они формально-описательны, т. е. на относительно поверхностном уровне фиксируют лишь форму, общую для всех (или огромного большинства) организуемых и проводимых спортивных мероприятий. При этом в стороне остается анализ сущности спорта, хотя определенные прорывы к истинному знанию о сокровенном (внутреннем, имманентном), разумеется, имеют место и на эмпирическом уровне. Другой вопрос – насколько полно и глубоко эти прорывы реализуются, что без теоретического конструирования, как нам известно, обеспечить невозможно. В свете сказанного спортивное соревнование не может при теоретическом рассмотрении позиционироваться в качестве сущностной (тем более, системообразующей) характеристики спорта, хотя и выступает в эмпирических исследованиях атрибутивным, неотъемлемым признаком, главной целью, результатом и, одновременно, отправной точкой всей спортивно-трени-

ровочной подготовки и учебно-образовательной спортивной деятельности.

2. Истинная (глубинная, достоверно определенная) сущность спорта заключается в его социальной природе и в специфически проявляемой социальной всеобщности, что представлено как единство борющихся между собой разновидностей комплексных религиозно-светских обрядов и ритуалов (традиций) в контексте их политического продвижения и позиционирования. Причём приходится констатировать, что в ходе исторического развития данное диалектическое единство агонально-спортивных традиций претерпело несколько качественных изменений, связанных с частичной диффузией и вызванной этим процессом взаимной подменной греческой и римской, языческой и христианской, западной и восточной, культурной и цивилизационной составляющих спорта.

3. Спорт в своей древнейшей и древней ипостасях, как развивающаяся поликультурная (сперва локальная, затем региональная) социально-институциональная модель, изначально не был ни первопричинной (субстанциальной), ни самодостаточной формой.

Скорее можно сказать, что он формально и содержательно подпитывался, религиозно и политически оформлялся, базируясь на более древней и более широкой (общей) культурной подоснове. Такой антропосоциогенетической подосновой для спорта могла служить культура единоборств. Все

первоначальные гимнастические, атлетические виды греческих игр – агонов, римских спортивных состязаний выступали целостными или фрагментарными, простыми или сложными, однородными или комплексными, личными или командными разновидностями единоборческой деятельности. В дальнейшем связь спорта с единоборствами сохранилась. Интересно, что такая ситуация во многом сохранилась и в последующие эпохи. Ядром спорта становились и известные гимнастические, а также игровые системы, создаваемые в сфере физического воспитания. Например, средневековую игру «в суль» (прообраз современного футбола) есть веские основания рассматривать как систему упражнений по «боевому слаживанию» команд-отрядов городских цехов с целью оказания отпора бродячим отрядам рыцарей, сборщикам налогов, в том числе и выступавшим от лица высшей светской и религиозной власти. Вот обстоятельство, послужившее истинной причиной неоднократного отлучения сообщества игроков «в суль» от Церкви и объявления их вне закона.

4. В Новой и Новейшей истории ситуация взаимоотношений между спортом и единоборствами, спортом и физическим воспитанием изменилась коренным образом. Получив импульс глобального развития и связанную с таким развитием относительную самодостаточность, современный спорт (уже в свою очередь) выступает для единоборств и для физического воспитания фундаментальной сферой, областью адаптации, встраивания, приобщения к социокуль-

турной, цивилизационной тотальности. Механизмом такого приобщения (адаптации) можно рассматривать: локально – спортогенез определённых этно-национальных единоборческих культур; а глобально – последовательную спортизацию всей объединённой единоборческой культуры в целом. Физическое воспитание в современных условиях вообще имеет тенденцию растворения в спорте.

5. Однако существует (всё больше усиливается) и обратная тенденция: в ряде видов спорта формируются направления внеспортивного единоборства и физического воспитания, сознательно выходящие за рамки спорта, ищущие иные неспортивные формы состязательности. Такая тенденция характерна для служебно-прикладного единоборства, силовых, сложнокоординационных, игровых, экстремальных, гуманизированных, адаптированных к фитнесу видов, дисциплин, программ и проектов.

6. Теоретически исследуя сущность и существование спорта, необходимо учитывать, как минимум, два аспекта:

- степень, полноту, своеобразие воплощения в спорте изменяющегося социального всеобщего, направляющего культурно-цивилизационное развитие спорта как социального института;

- диалектику взаимодействия культуры спорта, культуры физического воспитания и культуры единоборств, приносящих в спорт не только свои направления и виды, но и сам дух, образ, философию личности, вступившей на путь бес-

компромиссного достижения, преодоления, развития и социального служения.

Впрочем, философия единоборств и воинских искусств — это уже тема, выходящая за рамки предметного рассмотрения.

7. Спорт с древних времён и до наших дней по своей внутренней социокультурной сущности, скрытой и недоступной на уровне эмпирического анализа, а во многом и по своему содержанию, выступает религиозно-светским политическим оформлением, трансформацией, культурно-цивилизационным замещением культуры физического воспитания и культуры единоборств.

Спорт в контексте возникновения и эволюции церковно- государственных институтов

Спорт в контексте возникновения и эволюции церковно-государственных институтов — тема, которую «по умолчанию» или по какой-либо иной причине, связанной с отсутствием четко выраженного социального заказа, ещё практически не поднимали, по крайней мере, не поднимали в развернутом концептуальном виде. Мы попытаемся в некоторой степени восполнить данный пробел, основываясь на фактах мощной детерминации современного спорта со стороны государства и церкви, позволяющих, как минимум,

предположить наличие подобной детерминации на всем протяжении развития социального института спорта. В предельной же степени спорт в его античных – агональной (греческой) и коллизеальной (римской) – традициях вполне можно рассматривать в качестве сначала племенного, а затем и национального религиозного комплекса, получившего приоритетное развитие в эпоху Античности.

В связи с этим приобретает безусловную актуальность подробный и конкретный анализ последовательных стадий политического развития различных религиозных комплексов или религиозного комплекса как феномена человеческой истории вообще, который по мере своего выделения из первоначально общей и нерасчлененной родовой жизни всё более четко социально-классово определялся и политически формализовывался.

Становление религиозного комплекса подразумевало два взаимосвязанных процесса.

Во-первых, первоначально вырастая из неразвитой, примитивной производственно-бытовой целостности рода, область религиозной жизни постепенно превращалась в относительно самостоятельную сторону социального бытия, существующую наряду с хозяйственной, политической, иными областями социальной практики. Очевидно, религиозная составляющая всё глубже проникала в эти области общественной жизни как сила, трансформирующая, адаптирующая их под себя.

Во-вторых, развиваясь, совершенствуясь, религиозная власть всё больше отчуждалась от рядовых родовичей, неуклонно становясь самостоятельным от них, но управляющим ими институтом власти привилегированных социальных групп. Рассматривая данный процесс, следует учитывать, что всё более сложные формы политизации всё более совершенного религиозного комплекса возникают в контексте становления государства как социального института в виде более или менее выделенной, относительно обособленной его части. Должно было пройти много времени, пока появились и укрепились формы, начавшие отпочковываться от государства, превращаясь для последнего в политического партнёра или в политического соперника.

Основываясь на многочисленных источниках историко-этнографического сравнительного анализа родового устройства, в частности греков и римлян, можно утверждать следующее. Род как исторически первичное общественное устройство имел общую культовую, религиозную жизнь, которая, во-первых, осуществлялась всеми полноправными (подчёркнём – полноправными, то есть взрослыми) членами рода; во-вторых, представляла собой область, ещё слабо выделенную из общего комплекса жизнедеятельности родовых учреждений. Например, польский исследователь Л. Винничук писал, что на ранних этапах развития своего этноса (этносов) греки не имели выделенного жреческого сословия. «Каждый гражданин полиса мог исполнять религиоз-

ные функции, совершать обряды, приносить жертвы богам, возносить молитвы» [Винничук Л., 1988; с. 333]. Разделяли данную точку зрения и советские историки, отмечавшие: «Первобытные формы религии включают в себе не только фантастические представления, но и культовую практику (совершение религиозных церемоний), которая не составляла тайны и была доступна каждому» [Редер Д.Г., Черкасова Е.А., 1985; с. 98].

Эта культовая практика заключалась в обязательном наличии общего места погребения, общих религиозных празднеств и родовых святынь, как правило, связанных с почитанием предков-основателей рода и хранителей его обычаев и традиций. При тотемизме – одной из наиболее ранних религиозных форм, характерной для раннеродовых охотничьих общин, почитались мифологические зооантропоморфные тотемистические предки. Эти мифологические персонажи использовались в обрядах посвящения молодежи в полноправные члены рода, приобщая к общественно-родовому единству, к его общим святыням. Примером таких родовых святынь являются, в частности, известные науке австралийские чуринги, которые «считаются священным достоянием группы» и тщательно прячутся, охраняются от посторонних [Токарев С.А., 1986; с. 48]. Здесь религиозное единство выступало как оформление неотчужденной общественной собственности рода, по поводу чего С.А. Токарев писал, что тотемистические мифы «составляют как бы священную

историю рода, историю его происхождения, служат идеологическим обоснованием прав рода и племени на свою землю» [там же, с. 47–48].

Принципиально важно уточнить, что при тотемизме ещё не было храмов или святилищ, были только их зародышевые формы в виде естественных тайников, типа хранилища чурингов; ещё не было жречества, а в роли исполнителей религиозных обрядов выступали наиболее почитаемые предводители тотемных групп.

Эпоха разложения общинно-родового строя пополняется новыми религиозными формами: индивидуальным тотемизмом, шаманизмом, культом предков. Закладываются примитивные святилища, куда переносятся и где фиксируются места проведения обрядов. Здесь же закладывается институт жречества, хотя первоначально функции отправителей религиозных обрядов и ритуалов исполняют выборные всем родом вожди и старейшины, например греческие басилеи и римские рексы. Причём в данном случае можно говорить об общей закономерности, характерной для самых различных по континентальной и исторической временной принадлежности этносов [Тайлор Э.Б., 1989; с. 459].

В указанном контексте наиболее рельефным и переходным является культ предков, заметим, распространённый и у земледельческих и у скотоводческих родоплеменных сообществ, какими выступали греческие и римские этносы и у которых (как и у других народов) в этот период постепенно

оформляется и сплачивается вокруг вождей (царей) и уже появившихся профессиональных священнослужителей слой имущественно и социально выделенных родовичей. Сплочение это происходит в форме тайных религиозно-магических союзов, которые со временем подменяют первоначальную демократию религиозной жизни. Так у греческой фратрии и у римской курии появляется выделенная, обособленная, политически значимая постоянная основа культовой практики, базирующаяся на святилищах (далее на храмах), профессиональном жречестве и тайных (сперва религиозно-магических, а затем военно-религиозных) союзах.

«Переход к отцовскому праву, – писал Ф. Энгельс, – благоприятствует, как в Греции и Риме, постепенному превращению выборного начала в наследственное право и тем самым возникновению знатной семьи в каждом роде» [Энгельс Ф., Соч. – 2-е изд. – Т. 21. – С.142]. Это объяснение во многом «проливает свет» в том числе и на процесс постепенного закрепления религиозно-культовых должностей за отдельными аристократическими семьями в контексте развития ранних религиозно-политических синтетических форм.

Дальнейшее усиление указанные тенденции получают в племенном культе вождей, превратившемся в государственный культ обожествления царских династий, например, династий «гераклидов» – двух ветвей спартанских царей, якобы ведущих свой род от легендарного Геракла. Интересно, что параллельно с локализацией религиозно-политической

власти происходит и децентрализация этой власти. К примеру, одних только храмов Зевса имелось около двух десятков.

Кстати, мы не случайно приводим именно эти примеры, показывающие, как в действительности формировался олимпийский агональный культ. А закономерный переход, распространение культа почитания предков вождей, царей – на самих царей (императоров) прекрасно объясняет вектор эволюции греческой агонистики в сторону её римско-имперского варианта, при котором в Антиохийском олимпийском культе почитались уже не столько Зевс и Геракл, сколько римский император и его высшие сановники-меценаты.

«Рядом со священными вождями стояли собственно жрецы. Профессиональные служители культа выделялись... в обособленную общественную группу» [Токарев С.А., 1986; с. 85]. Рост политического веса этой группы основывался прежде всего на росте накапливаемого ею богатства и легитимной возможности использовать это богатство в различного рода торгово-финансовых сделках, что хорошо объясняет причину появления группы агонально-спортивных жрецов-судей и усиливающегося могущества агонально-спортивных культовых святилищ и храмов.

Храм являлся более поздней и сложной (по сравнению со святилищем) религиозно-политической формой. Он «представлял собой как бы юридическое лицо: владел имуществом, землей, иногда даже с прикрепленным к нему населением, рабами» [там же, с. 151]. Не объясняет ли это, хотя бы

отчасти, появление греческих гимнасиев и римских «лудусов», в которых уже не на периодической и временной, а на регулярной и постоянной основе готовили профессиональных спортсменов – свободных и рабов? Ведь известно, что и агональные культовые центры и спортивные арены колизеального типа процветали, как минимум, не только за счёт общинных и аристократических пожертвований, но имели собственный и ссудный и человеческий капитал.

Кроме того, должна была существовать причина и механизм, реализующий эту причину (основание), благодаря которым:

- патриархальные деревенские религиозно-культовые праздники у древних греков превратились в общегреческий олимпийский культ (кстати, далеко не единственный в своем роде);

- не менее патриархальные и местечковые римские погребальные обряды с массовой резней пленных уступили место профессиональным центрам состязательных развлечений, то есть спортивным аренам.

Иначе, как ростом экономического и политического могущества и влияния специализированных общеплеменных и межплеменных религиозных культовых центров, типа храма Аполлона в Дельфах, или храма Зевса в Олимпии, или культа обожествления римских императоров в Антиохии, все указанные выше метаморфозы объяснить трудно.

Дальнейшее разрастание и углубление процессов центра-

лизации религиозно-политического управления и, соответственно, отчуждения культовой практики закономерно приводит в итоге к краху античных агонально-спортивных форм и институтов, возникших на основе и в ходе разрушения общей религиозной жизни греков и римлян. Именно это обстоятельство следует полагать главным, в частности при рассмотрении вопроса о причинах политического, юридического, религиозного или социального отмирания древних Олимпийских игр, а за ними и древних спортивно-колизеальных традиций.

На смену отчужденным религиозно-политическим формам Древнего мира пришли ещё не отчуждённые, а характеризовавшиеся в тот период исторического времени относительным единством и всеобщностью религиозно-культовой жизни иные – христианские – культовые практики, которым, в свою очередь, ещё суждено было встать на путь отчуждения и породить религиозно-политический институт церкви. Соответственно, на этапе становления феодальных отношений объективно уже не могло быть места для агонально-спортивной традиции, воплощенной в деятельности её храмового жречества.

Известно, что в силу ряда причин Христианская церковь являла собой религиозно-политическую форму совершенно иного порядка, нежели античные святилища или храмы. В отличие от античного мира, где было ещё достаточно трудно четко отделить религиозное от светского, политическую

власть от власти религиозной, где одни и те же организации, а иногда и люди, представляли одновременно и государство и религиозный культ, в средневековом обществе подобных трудностей не существовало: демаркация была предельно четкой, хотя и вариабельной. Церковь либо подчиняла себе государство, либо жестоко конкурировала с ним, выражая дух эпохи тотальной религиозности.

Однако преемственность между греко-римской и средневековой физической культурой всё же существовала. Областью преемственности выступало физическое воспитание, точнее, военно-физическое воспитание, которое ещё в эпоху Военной демократии отчасти (но лишь отчасти) было сбалансировано с религиозным культом, прокладывая с ним общий курс в социальной политике, направленной на войну с соседями. Не мешал, а наоборот, усиливал указанную преемственность, сохраняющийся принцип набора военных сил по территориальному признаку, некогда существовавший ещё в греческих навкрариях и римских кентуриях (центуриях).

Несмотря на проповедь христианского смирения и миролюбия, средневековая церковь поддерживала агрессивный внешнеполитический курс феодальных государств и княжеств, не уступая в этом греческому культу бога войны Ареса или соответствующему римскому культу бога Марса. Существенное отличие античного физического воспитания от феодального, правда, иногда видят в чётко выражен-

ном классово ограниченном характере последнего. Но если вдуматься, то греческое ополчение имело не менее классово ограниченный характер, лишь формально декларируя свою всеобщность, а на деле осуществляя набор только из числа свободных граждан определенного греческого полиса, иначе говоря, из числа аристократических родов. То же самое обстоятельство отражается и в плебейско-патрицианском противостоянии в Риме времён царских династий, а отчасти и республиканского периода.

Единоборства как фактор развития спорта

Единоборства – один из самых древних и универсальных институтов, когда-либо порожденных физической культурой Человечества. Первоначальное значение единоборств в антропосоциогенезе трудно переоценить, поскольку единоборства как протоединоборства были включены в единый и слабо внутри себя расчлененный социокультурный конгломерат древнейшего общества, то есть являлись неотъемлемой его частью, связанной неразрывными узами с другими проточастями, из которых впоследствии выкристаллизовывались социальная и политическая организация, религия, искусство. Вполне возможно, что единоборства были старше института физического воспитания, поскольку в процесс институциализации, то есть легитимизации существовавшей

общественной традиции первыми вступили осознавшие своё превосходство и выделенность из первобытного сообщества вожди, совмещавшие также функции и статусные роли старших отцов, отправителей и распорядителей обрядово-культурной практики и т. д. Именно в их лице изначально начинают формироваться институты государственной власти наряду с институциональным оформлением мест захоронений (в последующем – капищ, святилищ, храмов, церкви), явившихся продолжением и развитием раннерелигиозных анимистических, фетишистских, магических, тотемистических и иных верований.

Конечно же, единоборческая практика и практика физического воспитания частично совпадали, пересекались, иначе их нельзя было бы рассматривать в качестве составных частей физической культуры. Однако в отличие от института физического воспитания, носившего если не общий, то уж точно ориентированно групповой характер, культура и институт единоборств были сугубо индивидуально ориентированы, то есть настроены не на групповую, общественную, командную, военную, охотничью, иную полезную работу, а на личное противостояние вождя его индивидуальному противнику, угрожающему, посягающему на жизнь вождя, в той или иной степени оспаривающему его властные prerogatives, бросающему вождю личный вызов.

В древнейшей и древней истории Запада и Востока (независимо от континентальной привязки последнего) едино-

борства представляли собой индивидуальный единоличный или парный поединок, как правило, равного с равным или с претендующим на статус равного. Причём противником далеко не всегда являлся человек. Им мог быть и крупный опасный зверь (лев, тигр, леопард, слон, бегемот, крокодил) или иное существо, в тело которого примитивное сознание мифологически помещало божественную, сверхъестественную, враждебную первобытной общине, роду, племени, лично вождю сущность.

Если рассматривать данный вопрос более детально, но при этом концептуально, то становится ясно, что культура единоборств Запада и культура единоборств Востока довольно значительно между собой различались. На Востоке акцент делался фактически на первую часть слова «единоборства», то есть единоборствами занимались как одним из способов, методов персонального самосовершенствования. Единоборства воспринимались в качестве искусства как путь длительного поэтапного достижения, прежде всего за счёт самопреодоления, победы над своей частичной и временной недостаточностью и неспособностью. На Западе единоборствами занимались как индивидуально ориентированными комплексами приемов, необходимость освоения которых обуславливалась желанием победить в парном бою, в схватке или ином личном противостоянии одновременно с одним единственным противником.

Таким образом, в общем и целом единоборства целесооб-

разно определять как проходящий на биосоматическом, психофизическом и интеллектуально-духовном уровнях условный или реальный, единоличный или парный поединок до условной или безусловной победы над противником (соперником) путем нанесения ему необходимого ущерба, урона. Также единоборствами называются системы подготовки и ведения указанного поединка.

«Естественная» классификация единоборств, обязанная отражать этапы их исторической эволюции, включает четыре основные единоборческие типа: религиозно-магические протоединоборства, религиозно-боевые или военно-религиозные единоборства, народные (празднично-оборонческие) единоборства и, наконец, единоборства физкультурно-спортивные.

Несмотря на факт сосуществования в современном обществе всех четырех указанных типов единоборческой традиции, их различная социально-классовая, даже формационная соотнесенность совершенно очевидна. Общая динамика развития единоборств в человеческой истории отображает направленность на увеличение социальной базы. Иными словами, отходя от древнейшей и древней исключительной принадлежности образу жизни воинов и жрецов, единоборства постепенно становятся делом выдающихся представителей широких (в том числе, непривилегированных) социальных слоев, а на стадии физкультурно-спортивных единоборств вообще превращаются в предельно широко социаль-

но практикуемую норму жизнедеятельности, распространенную даже среди многих, отнюдь не выдающихся представителей современного общества.

Более того, занятия единоборствами (как норма) постепенно вытесняют само единоборство, то есть сам акт единоборства всё больше и больше подменяется подготовкой к нему, обеспечивая адаптацию единоборств к содержательному наполнению и смыслу деятельности в области физического воспитания и в области спорта. В области физического воспитания (и в школьной, образовательной практике его функционирования) указанный процесс длится: с древних времён в Индии, Китае и других восточных странах; в период с начала и до конца XX в. – на Западе и в России. В области спорта соответствующая адаптация имеет место: на Западе – с первой четверти XX в.; в России (активно и массово) – со второй половины, точнее, с 70-х годов XX в.; на Востоке – с конца XX в.

Таким образом, для единоборств XX в. имеет значение период фатальной институциональной перестройки и глобалистического вращивания в другие институты мировой физической культуры. Однако все необходимые, предшествующие такой перестройке подготовительные процессы были завершены уже задолго до XX столетия.

Действительно, религиозно-магические протоединоборства, свойственные доклассовому и раннеклассовому обществу, уступили место религиозно-боевым или военно-рели-

гиозным единоборствам в связи с социальным и экономическим расслоением родовых общин и становлением родо-племенного сообщества, а также в связи с ограничением и частичной сменой мифологического типа мировоззрения как базового.

Уход в историческое прошлое религиозно-боевых единоборств (расцвет которых приходился на этапы развития рабовладельческого и феодального строя) связан с тремя основными процессами. Во-первых, с процессом депрофессионализации феодальных дружин, начиная с XVII в. неуклонно уступавших в войнах и боях против более технологически совершенного противника, вооруженного огнестрельным и бомбометательным оружием. Во-вторых, с процессом секуляризации общественной жизни в целом, перестраивавшейся на новую буржуазную идеологию и, соответственно, на иной (по сравнению с религиозным или философским) тип мировоззрения. Имеется в виду, естественно, перенесение акцента на научное мировоззрение как набирающая разгон системная тенденция. Третьим основополагающим процессом, обусловившим уход с исторической арены военно-религиозных единоборств, явился процесс нарастающего сопротивления господствующим классам и поддерживающим их религиям со стороны подчиненных, угнетаемых классов и иных социальных сил, ориентированных на новые, более глобалистические религии или, наоборот, на старые общинно-родовые культы. В рамках этого процесса формируются

и постепенно профессионализируются народные (празднично-оборонческие) системы национальных единоборств, хотя и не имевших самостоятельного этапного значения, но всё-таки сумевших внести свою лепту в развал господствовавших в то время религиозно-боевых единоборств.

На смену последним приходят многообразные, но типичные единоборческие виды, направления, формы переходного характера, внутренне готовые адаптироваться к физическому воспитанию западного образца и к спорту. С них и начинается этап развития физкультурно-спортивных единоборств. Именно здесь происходит демаркация между спортивными и так называемыми боевыми единоборствами или искусствами, утратившими связь со средневековыми воинскими сословиями и генерациями, во многом утратившими боевое предназначение или вообще его не имевшими по причине своей празднично-народной или ярмарочно-балаганной направленности. Однако указанный «водораздел» заслуживает отдельного внимания и рассмотрения.

Самыми древними из известных социальных форм единоборств, по свидетельствам подавляющего большинства исследователей, были так называемые «божьи суды» или «поединки справедливости», осуществляемые единоборцами от имени и под покровительством богов, бога, иных сверхъестественных сущностей и сил. Эта одна из самых ранних форм отправления правосудия (в виде единоборческого поединка) прослеживается далее во всей истории развития единобор-

ческой культуры. Уже на её базе возникли производные формы «поединков славы» и «поединков чести», которые античными историками третировались как отвратительные проявления варварской необузданности, невежественности и дикости.

Тем не менее религиозная подоплека «божьих судов» и их последующих видоизменений заложила в основу единоборств принцип состязательности, весьма напоминающий организацию и проведение спортивных соревнований, рожденных иной религиозной культовой практикой, но также подразумевавших некий регламент, наличие судей, формальное равенство возможностей, например оружия или орудия соперников.

С другой стороны, единоборства, особенно длительная и кропотливая подготовка к ним, несмотря на индивидуальную траекторию этой подготовки, мало чем отличались от групповых, а тем более парных военно-физических упражнений, так что по внешним признакам единоборства походили на стандартные для физического воспитания тренировочные процедуры и комплексы.

Другое дело внутреннее, интеллектуально-духовное содержание единоборств, определяющее суть и направленность развития их биосоматической и психофизической составляющих, то ментальное ядро, которого и близко не было ни у спорта, ни у физического воспитания. Но постепенно, со временем это уникальное религиозно-философское

ядро, ориентирующее единоборца на самосовершенствование до уровня бога (концепция по мощности мотивации личности, сравнимая в западной философии эпохи Возрождения лишь с гуманизмом Николая Кузанского), утрачивается. С выхолащиванием, примитивизацией секуляризованных и депрофессионализированных единоборств, идеология которых скатывается с уровня религиозно-философской глубины и завершенности обратно к уровню примитивной социальной мифологии, к обыденным житейским притчам и поучениям, происходит принципиальное изменение самого смысла единоборческой практики. Избавившись от своего философского ядра, единоборства потеряли внутренний духовный стержень – понимание и признание наивеличайшей миссии, какую только может нести личность – миссии достижения богоподобного совершенства. Мечта превратилась в рутину. Великое было разменено на мелочное. Истинная цель затуманилась и скрылась за иллюзорно-компенсаторными задачами. Акцент внимания был перенесен с внутреннего на внешнее, с сущностного на формальное, с содержательного на феноменальное.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.